

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 14-го Сентября 1903 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9486.

Въ туманѣ.

Съ немецкаго.

Вольфгангъ Вагнеръ только что заперъ свой книжный магазинъ. Онъ чувствовалъ себя немного утомленнымъ, однако, пошелъ быстро: его лихорадило. Была дѣйствительно отвратительная, сырья погода. Туманъ покрылъ городъ такимъ густымъ, бѣльмъ покровомъ, что въ трехъ шагахъ отъ себя нельзя было различить предметы. Видны были только фонари извозчичьихъ пролетокъ, мелькающихъ по улицѣ, и слышны были постоянные крики извозчиковъ, предстегавшихъ прохожихъ. На тротуарахъ было мокро и скользко. Непрѣятный холодъ и сырой бѣлый покровъ, ложившійся на все, заставляли людей ежиться и спѣшить въ свои жилища.

Уютная, теплая комната и пылающій каминъ—особенно пріятны въ такой вечеръ. Такъ думалъ Вольфгангъ Вагнеръ, приближаясь къ своему клубу. Онъ былъ трезвый, пожилой холостякъ, нечувствительный къ семейнымъ радостямъ. Но въ этотъ вечеръ его пронизывалъ туманъ. А, вѣдь, и въ клубѣ было тепло и уютно—ему, по крайней мѣрѣ, всегда такъ казалось; но въ этотъ вечеръ удовольствие, ожидавшее его тамъ, показалось ему нелѣпымъ и пустымъ. Остальные члены клуба были скучны и лѣнивы, такъ же утомлены работой, какъ и онъ. Продолжалъ всегда часъ или два, пока они, сбросивъ съ себя заботы дня, приходили въ болѣе благодушное настроеніе, а потомъ большей частью скоро расходились. Отвратительная погода, отвратительная компания, подумалъ Вагнеръ.

Когда онъ хотѣлъ завернуть въ улицу, гдѣ находился его клубъ, его кто-то назвалъ по имени.

— Вольфъ!

Онъ повернулся, но въ первый моментъ ничего не могъ разглядѣть: такъ густъ былъ туманъ. Но вотъ вынырнула изъ тумана женская фигура и стала приближаться къ нему.

— Господинъ Вагнеръ? сказалъ, какъ бы вопросительно, робкій женскій голосъ.

Онъ пошелъ навстрѣчу женщинѣ, чтобы лучше разсмотрѣть ее при свѣтѣ фонаря. Онъ узналъ ее, какъ только увидѣлъ ея лицо, хотя не видѣлъ ее больше двадцати лѣтъ.

— Эмилия, сказалъ онъ тихимъ, сдавленнымъ голосомъ—неожиданность испугала его и сдавила ему горло.

Да, дѣйствительно, это была она, его возлюбленная. Въ то время, когда она быстро и лихорадочно выражала свою радость по поводу этой встрѣчи, онъ овладѣлъ собой. Со страннымъ волненіемъ прислушивался онъ къ звуку ея голоса, тихо коснувшагося струны его сердца, давнимъ давно замолкнувшаго.

Стамбуль.

Кварталы, пострадавшие отъ пожара.

О, что это была за горячая любовь, тогда, въ дни молодости. Ея родитель, богатый купецъ, пригласилъ его къ качеству репетитора для маленькаго братца; тогда онъ впервые познакомился съ нею, его первой и послѣдней, единственной страстью его жизни. Онъ любилъ горячо и безумно, пока ему въ одинъ прекрасный день не отказали отъ урока, и красивая девушка была помолвлена съ богатымъ молодымъ фабрикантомъ. Они стали переписываться; горячая, безумная письма летѣли отъ нея къ нему и обратно, нѣсколько разъ они встрѣчались за городомъ. Онъ клялся, что никогда никого не полюбить, кроме нея, хотѣлъ ее увезти, работать для нея, какъ поденщикъ. Она много плакала, но не пришла ни къ какому заключенію. Ему вспомнилась ихъ послѣдняя встрѣча. Это было въ холодный осенний день, вѣтеръ гналъ желтые листья съ деревьевъ. Это было опять въ саду, въ которомъ находился колодезь съ мраморной статуей нимфы. Они долго ходили вокругъ этой нимфы и вели мучительный, нескончаемый разговоръ, и ему все время казалось, что она хочетъ что-то сказать ему, но не рѣшается. Прощаніе на этотъ разъ было нѣжнѣе обычновенчаго. Когда она ушла, онъ еще долго стоялъ около каменнаго колодца и глядѣлъ ей вслѣдъ, пока она совершенно не исчезла изъ виду. Недѣлей позже она вышла замужъ, какъ онъ узналъ отъ общихъ знакомыхъ, — быть можетъ, она это хотѣла ему сказать. Она больше не приходила къ нему и не послала писемъ.

Онъ до нынѣшняго вечера больше не встрѣчалъ ее.

Она спросила его, хочетъ ли онъ проводить ее, и онъ автоматично послѣ-

довалъ за ней. Воспоминанія имѣютъ иногда свою особенную прелесть.—Когда онъ слушалъ ее, ему казалось, будто онъ разстался съ нею только вчера, и будто тѣ двадцать лѣтъ его жизни, лежавшія между тѣмъ временемъ и этимъ, были только сномъ минувшей ночи. И все-таки лежало много работы, грестьей и разочарованій въ эти двадцать лѣтъ, и тотъ первый призракъ счастья, того счастья, которое такъ горячо и благосклонно повернулось къ нему, повторялся за это долгое время нѣсколько разъ. Но странно! Маленький, прекрасный, но мучительный романъ его первой, единственной любви, показался ему теперь, какъ символъ всей его жизни.

Эти странныя мысли обуревали его, когда онъ прислушивался къ звуку ея милаго голоса, не обращая вниманія на то, что она говорила. Одно только онъ понялъ, что она вдова. Когда они подошли къ ея дому, и она пригласила его войти, онъ согласился.

Только тогда, когда онъ вступилъ въ ея ярко освещенную квартиру, онъ совершенно овладѣлъ собой. Онъ вступилъ въ великолѣпные чертоги, въ жилище богатыхъ. Мебель была обтянута драгоценной штофной матеріей, они ступили на мягкие, пушистые ковры; рѣдкія вазы и цветы, картины и произведения искусства наполняли комнату, въ которой они находились. Затѣмъ она пригласила его къ столу, чтобы отужинить вмѣстѣ. Столъ былъ украшенъ цветами, подавались рѣдкія блюда. Во время ужина, когда они разсказывали другъ другу все, что случилось съ ними за время ихъ разлуки, онъ разматривалъ свою бывшую возлюбленную. Это были тѣ же черты, а все таки она была другая. Двадцать лѣтъ не проходятъ безслѣдно для женскаго лица. Куда дѣлась милая окружлость фримъ, милыя краски дорогого лица?

О, другой смыслъ ихъ своими поцѣлюями, а то, что осталось, была только старая форма, лишенная той красоты, составлявшей главную прелесть. Почему старѣютъ прекрасныя женщины, почему? Что изъ того что онъ постарѣлъ, что волосы его посѣдѣли? Но почему должна быть чудесная картина, очаровавшая своимъ блескомъ сердца, почему она должна поблѣдѣть и уничтожиться? Почему дѣлается розоватая бархатная кожа желтой и морщинистой? Почему каменѣеть прелестная, чарующая улыбка и превращается въ отталкивающую, некрасивую гримасу? О, она все еще была то, что называютъ интересной женщиной, но она больше не была его Эмилией, или была ею только тогда, когда онъ не глядѣлъ на нее, а только слушалъ ея голосъ...

Хорошее вино, выпитое за ужиномъ, и пылающій каминъ, около котораго они

АРТИСТЫ ХАРБРОВСКАГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА.

Н. П. Весенъева.

Е. Т. Жихарева.

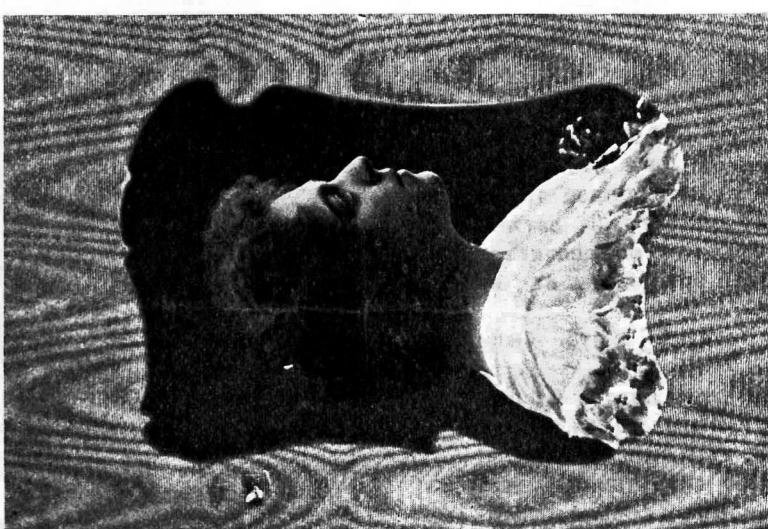
Ю. А. Бългородскій.

И. Ф. Скундяновъ

Д. Г. Гутманъ.

В. Н. Ильнарская.

С. Д. Орскій,

LITERATURE

Артисты Харьковского Драматического театра.

С. Н. Ячменевъ.

С. И. Сорочанъ.

Л. А. Бѣльскій.

усѣлись, согрѣли ихъ и сдѣлали ихъ бесѣду болѣе интимной. Онъ сталъ разсказывать о своей жизни, полной труда, но лишенной теплой радости, и затѣмъ сказалъ, разсматривая темное шелковое платье и сверкающіе брилліанты въ ея ушахъ:

— Эмилія, вы сказали, что были несчастны?

— Да,—отвѣтила она просто—долго. Шестнадцать лѣтъ я была замужемъ и четырнадцать изъ нихъ, я была несчастна. Онъ послѣ женитьбы скоро понялъ, что я не люблю его, и былъ сильно огорченъ этимъ открытиемъ. Онъ утѣшался по своему, и мы дѣлались все болѣе и болѣе чужими и далекими. Только за два года передъ его смертью, послѣ короткой болѣзни, во время которой я ухаживала за нимъ, возникло болѣе теплое чувство въ нашей супружеской жизни. Поздняя любовь проснулась въ насъ, и эти два года мы были счастливы—очень счастливы. Мы, наконецъ, поняли другъ друга, дорожили другъ другомъ, и странное, нѣжное чувство овладѣло нами. Его смерть поразила меня, какъ громъ—странныя иронія судьбы! Его смерть, а вмѣстѣ съ тѣмъ я его когда-то такъ презирала и проклинала! Четыре года прошли съ тѣхъ поръ, и миръ опять вселился въ мою душу.

— Не могу вамъ выразить, Эмилія,—вразбрѣль онъ,—какъ мнѣ нравится то, что вы и это сообщаете мнѣ.

— Почему нѣтъ?—отвѣтила она.—Я всегда говорила вамъ правду, Вольфъ, и тогдѣ, когда признавалась вамъ въ своей любви, и теперь, когда я рассказала свою жизнь. Да, я очень любила своего супру-

га эти послѣдніе два года. Я говорю это тѣмъ болѣе, что вашъ видъ воскрешаетъ въ моей памяти мою молодость, и я чувствую, что стоитъ вамъ сказать одно слово, чтобы опять считать меня своею, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Бываю вѣщи, которые никогда не забываются.

Огонь погасъ въ каминѣ. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ на столикѣ около себя букетъ бѣлой сирени, стоявшій въ вазѣ.

— Видите ли вы эту бѣлую сирень?—сказалъ онъ.—Такіе цветы бываютъ только зимою. Они выростаютъ въ теплицахъ, въ темнотѣ. Недостатокъ света дѣлаетъ ихъ бѣлыми, даже листья и тѣ лишены своей окраски, они впадаютъ въ желтый цветъ. Они почти не имѣютъ запаха. Нѣтъ, Эмилія—наша любовь была настоящая сирень, и ея запахъ былъ такой опьяняющей, что онъ почти не забвененъ. Не надо замѣнять его холодной, бѣлой сиренью.

Она ничего не отвѣтила, но слеза медленно скатилась по ея щекѣ.

— Развѣ не должна быть для насъ священна весенняя сирень?—спросилъ онъ.

— О, да,—сказала она,—я только плачу обѣ утерянномъ счастьѣ.

Онъ поднялся и сталъ прощаться. Она проводила его до дверей.

— Придете еще когда-нибудь?—спросила она.

— Можетъ быть,—отвѣтилъ онъ.—Бываютъ моменты, которые сильнѣе насъ.

Очутившись на улицѣ, онъ почувствовалъ, что такой моментъ никогда не наступить. Воспоминанія о его молодомъ счастьѣ были такъ сладки, что онъ не хотѣлъ лишиться ихъ.

Онъ отправился домой по пустымъ, покрытымъ тяжелымъ туманомъ улицамъ.

— Туманные призраки,—бормоталь онъ, завернувъ въ одну изъ отдаленныхъ улицъ его квартала.